

Е Миньюй уезжал на несколько дней по делам, а вернувшись в «Черное и Белое» и не застав там Шэнь Цзюньчи, окончательно помрачнел. Его и без того суровое лицо теперь напоминало ледяную глыбу, от которой веяло ощутимым холодом.

Народу в баре хватало. У стойки сгрудились посетители, заворожённо наблюдая за работой нового бармена — невероятно, почти неприлично красивого юноши. Время от времени толпа взрывалась одобрительными возгласами.

Миньюй щёлкнул пальцами, подзывая ближайшего официанта. Паренёк тут же подлетел, готовый ловить каждое слово хозяина.

— Где Цзюньчи? — сдерживая раздражение, спросил Миньюй и рванул верхнюю пуговицу рубашки.

— Господину Шэню кто-то позвонил, он сразу сел в машину и уехал. Куда — не знаю. Но перед уходом он звонил в цветочную лавку, заказывал букет... — Официант осёкся, заметив, как помрачнел босс.

Цветы? Зачем мужчине цветы, если он не собирается на свидание? Но неужели нужно обязательно тащиться с веником? Что за особа заслужила такое внимание? За последние годы круг общения Цзюньчи сузился до предела — он в основном помогал Миньюю вести дела и крутился в его кругах. Откуда взялась эта близкая подруга? И почему встречу нужно было назначать именно тогда, когда самого Миньюя не было в городе? Мысли роились в голове, одна ядовитее другой, и Миньюй буквально закипал от глухой ярости.

Как раз в этот момент у стойки снова взревели от восторга — толпа зевак вокруг смазливового бармена стала ещё плотнее.

— Откуда взялся этот бармен? — спросил Миньюй, пытаясь совладать с гневом.

Парень действительно был чудо как хорош собой, но лицо казалось незнакомым. В его движениях за стойкой сквозило больше дешёвого пижонства и кривляния, нежели настоящего мастерства — любой профессионал сразу бы понял, что перед ним дилетант. Посетители визжали от восторга явно не из-за вкуса коктейлей, а из-за смазливой мордашки. Миньюй не имел ничего против лёгкого флирта персонала с клиентами, но во всём надо знать меру. Подобное панибратство переходило все границы.

— Это наш новичок, Брант, — с завистью выдохнул официант. — Красавчик, девки и парни от него без ума. Он за одну смену чаевыми заколачивает больше, чем я за месяц!

— Кто его нанял?

— Господин Шэнь лично одобрил.

Минъюй прищурился, о чём-то размышляя, затем небрежно махнул рукой, отпуская парня. Сам он не спеша направился к барной стойке, сел в самый тёмный угол и принялся молча наблюдать, как этот Брант увивается вокруг гостей.

Старший бармен, заметив хозяина, понимающе кивнул и тут же соорудил «Кровавого Цезаря».

Почти всегда, когда Минъюй снисходил до барной стойки, перед ним материализовался этот коктейль. Дело было не в любви к алкоголю — босса просто завораживал густой, алый, как свежая кровь, цвет напитка. Старожилы заведения давно заучили эту причуду наизусть.

Брант и впрямь обладал редкостной красотой. Разрез его тёмных глаз казался почти женственным, манящим, но без приторной слащавости. Прямой, точёный нос, мягкие розовые губы и чётко очерченный, островатый подбородок делали его лицо невероятно утончённым.

Сам Минъюй не жаловался на внешность и повидал немало холёных мальчиков, но даже он признал: этот юнец — настоящий шедевр природы. Пожалуй, он превосходил изяществом даже Шэнь Цзюньчи. Фигура Бранта тоже притягивала взгляд. Обычный чёрный жилет бармена сидел на нём так ладно, подчёркивая гибкий, тонкий силуэт, что невольно возникало желание прижать парня к себе и лично измерить ладонями эту осиную талию. Кокетливые полувзгляды, изящные жесты, непринуждённая болтовня с клиентами — неудивительно, что «Черное и Белое» сходил по нему с ума. И ведь совсем зелёный ещё. Сколько ему? Двадцать один? Двадцать два?

Пожилой бармен, заметив пристальный взгляд хозяина, подошёл к Бранту и что-то негромко шепнул ему на ухо.

Тот удивлённо вскинул брови, скользнул взглядом по Минъюю и тут же расплылся в профессиональной улыбке. Извинившись перед клиентами, он подошёл к углу стойки, вежливо склонил голову и негромко произнёс:

— Вечер добрый, босс.

— Угу, — ледяным тоном отозвался Минъюй. — Имя?

Брант слышал, что хозяин заведения — суровый сухарь, но реальность превзошла все ожидания. Отрывистый, допрашивающий тон едва не сбил парня с толку.

— Брант, — спохватился он.

— Настоящее имя. По-китайски, — с едва заметным раздражением бросил Минъюй.

Парень на секунду замялся, прежде чем ответить:

— Ли Жоли.

— Возраст? — Миньюй цедил слова сквозь зубы. Он буквально пригвоздил юношу к полу тяжёлым взглядом.

— Двадцать один, — уже смелее ответил Ли Жоли, уловив правила этой игры.

— Студент. — Это был не вопрос, а утверждение. Сквозь лоск ночной жизни в Жоли отчётливо угадывалась академическая мягкость.

— Да, — чуть робко подтвердил тот, опасаясь, что из-за учёбы грозный босс укажет ему на дверь.

— Приготовь «Чёрное и Белое», — приказал Миньюй.

Ли Жоли опешил. Работая здесь, он, разумеется, знал, о каком напитке идёт речь. «Чёрное и Белое» был неофициальным символом и визитной карточкой бара.

Рецепт вроде бы лежал на поверхности: херес и ликёр «Бейлис». Однако тонкостей никто не знал. Этот напиток готовил один-единственный человек, и когда-то босс во всеуслышание заявил, что пить его согласен только из рук этого мастера.

О подтексте этой традиции шептались все кому не лень, и Жоли похолодел: была ли это проверка на прочность или откровенное издевательство? Пропорции, посуда, шейкер или ложка, со льдом или без — он не имел ни малейшего представления.

Между тем заинтригованные появлением босса гости начали стягиваться к их углу. Услышав заказ, завсегдатаи возбуждённо зашептались. Жоли почувствовал, как по спине поползли липкие капли пота. Ловушка захлопнулась, деваться было некуда.

И в этот напряжённый миг из полумрака донёсся мягкий, бархатистый смешок:

— Тридцать процентов хереса, семьдесят — «Бейлиса». Взбей в шейкере, не смешивай ложкой. Без льда. Но если хочешь по-настоящему угодить боссу, капни сверху немного виноградного сока.

Все разом обернулись.

— Господин Шэнь... — с облегчением выдохнул Жоли.

Миньюй помрачнел, словно грозовая туча, но на Шэнь Цзюньчи он даже не взглянул.

Получив подсказку, Ли Жоли поспешно завертел шейкером. Однако стоило ему с поклоном поставить бокал перед хозяином, как Минъюй, даже не пригубив, хладнокровно вылил содержимое в раковину.

По толпе пронёсся вздох изумления. Жоли густо покраснел от унижения.

Не проронив ни слова, Минъюй резко поднялся и зашагал прочь.

Цзюньчи лишь сочувственно похлопал юношу по плечу:

— Не принимай на свой счёт. У босса тяжёлый день, привыкнешь. Возвращайся к гостям. — Повернувшись к застывшему официанту, он скомандовал: — Чего стоим? Приберите тут быстро.

Официанты бросились суетиться у стойки, убирая стёкла и пролитый ликёр. Публика, быстро потеряв интерес к чужой драме, снова переключилась на прелестного бармена.

Разобравшись с делами в зале, Цзюньчи направился в служебные помещения на поиски Минъюя.

Тот сидел мрачнее ночи. Цзюньчи с неизменной мягкой улыбкой налил стакан прохладной воды, протянул его Минъюю и тихо спросил:

— Что стряслось? Только вернулся, а уже мечешь громы и молнии?

— Какого чёрта ты выболтал рецепт «Чёрного и Белого» перед всеми? — Минъюй пошёл в лобовую атаку. Стоило Цзюньчи приблизиться, как в нос ударил тонкий, едва уловимый шлейф дорогих женских духов. Ненавязчивый, изысканный аромат выдавал безупречный вкус и благородное происхождение своей обладательницы. И этот запах окончательно лишил Минъюя остатков самообладания.

— О, а разве нельзя? — Цзюньчи равнодушно пожал плечами. — Я решил, раз уж ты заставляешь постороннего человека смешивать этот коктейль, значит, наше «Чёрное и Белое» перестало быть чем-то сокровенным, предназначенным только для нас двоих. К чему теперь этот пафос и злость?

Слова звучали ровно, но Минъюй внезапно осёкся, не зная, что возразить. Он действительно ревновал. Мысль о том, что Цзюньчи мог развлекаться с какой-то девицей, весь день отравляла ему кровь. Заметив краем глаза вошедшего любовника, он нарочно затеял эту глупую сцену с Жоли — хотел задеть, уколоть, показать свои права. Он не ожидал, что Цзюньчи так легко обесценит их общую тайну. Пожалуй, в этот раз Минъюй заигрался и действительно задел его

за живое.

Видя, что тот насупился, Цзюньчи тихонько рассмеялся. Его голос вновь обрёл прежнюю бархатистую мягкость:

— Ладно тебе. Узнали и узнали, делов-то. При случае я придумаю для тебя новый рецепт. — С этими словами он развернулся, собираясь уйти. Он смертельно устал и не имел ни малейшего желания тратить драгоценные часы на разборки с упрямым ревнивцем.

Но сделать и шагу не успел — Миньюй рванул его назад, намертво заковывая в объятия.

Цзюньчи лишь вздохнул, позволяя удерживать себя. Тело ныло от усталости, безумно хотелось спать, но он затих, не пытаясь вырваться.

— Где ты был? С кем встречался? — Миньюй честно пытался убрать из голоса угрожающие нотки, но всё равно выходило так, словно он допрашивал приговорённого к смерти. Ревностью от него несло за версту.

Цзюньчи опешил на мгновение, а затем весело, искренне расхохотался. Это был не его привычный дежурный смешок, а чистый, искрящийся восторг.

— Чего ржёшь? — Миньюй разозлился ещё сильнее. Ему безумно хотелось заткнуть его поцелуем и доходчиво объяснить, насколько опасен бывает его собственнический инстинкт.

— Надо же, ты всё-таки спросил... — В голосе Цзюньчи проскользнули непривычные торжествующие нотки. — А я думал, тебе наплевать. Или что ты лопнешь от гордости, но не признаешься. Выходит, я тебе действительно небезразличен...

Миньюй зарычал, шутливо потянувшись пальцами к его горлу, словно собираясь придушить.

Цзюньчи со смехом закрылся руками:

— Ладно, ладно, сдаюсь! Всё скажу.

Миньюй сощурился, красноречиво давая понять: чистосердечное признание облегчит участь, а вот враньё — вряд ли.

— Одна очаровательная дама пригласила меня излить душу. Я, как истинный джентльмен, не посмел отказать и с радостью согласился. — Цзюньчи с удовольствием наблюдал, как Миньюй начинает едва сдерживать бешенство.

— Что за баба? — выплюнул Миньйой сквозь зубы. Он сжал его в объятиях сильнее, так что у Цзюньчи перехватило дыхание.

— О, эта леди божественна. Благородна, умна и невероятно привлекательна. В девичестве Чэнь, ныне носит фамилию Е. Имеет взрослого сына, а её возраст плавно приближается к полувековому юбилею, — смилостивился Цзюньчи, забавляясь своей загадкой.

В первые секунды Миньйой готов был взорваться, но к концу тирады опешил. Он нахмурился и подозрительно спросил:

— Моя мать?

— Именно, госпожа Е, — закивал Цзюньчи.

Миньйой ошарашенно захлопал глазами. Пазл сложился: парфюм показался ему знакомым именно потому, что матушка не изменяла этому аромату годами.

— Старуха уже, а всё туда же — цветы ей подавай, — проворчал Миньйой, утыкаясь носом в его плечо. Не услышь он про этот чёртов букет, ни за что бы не устроил глупую сцену.

— Дурак ты, — ласково вздохнул Цзюньчи. — Женщина остаётся женщиной в любом возрасте. Цветам рады все и всегда.

— И чего ей от тебя понадобилось? — Миньйой заметно расслабился.

— Да как обычно. Спрашивала, как у тебя дела, сетовала, что от родного сына никакого толку, глаз не показывает. — Цзюньчи сокрушённо покачал головой. Какая мать не тоскует по своему ребёнку? Госпожу Е было искренне жаль. Но Миньйой не мог вернуться в семью, и изменить это было не в их силах.

— Ты ведь нарочно не договаривал? Нравится смотреть, как я бешусь? — Миньйой прищурился. Этот манипулятор явно получал удовольствие от его страданий. Похоже, кое-кто совсем страх потерял.

— Как можно... Откуда мне знать, что грозный босс выйдет из себя из-за такой ерунды, — продолжал отшучиваться Цзюньчи. Дразнить Миньюя было весело, но палку перегибать не стоило: последствия могли оказаться слишком изнурительными для его поясницы.

— Хватит паясничать. Думаешь, это сойдёт тебе с рук? Время платить штрафы. — Миньйой бесцеремонно толкнул Цзюньчи на широкий рабочий стол, зажимая его своим телом, и закинул его ногу себе на бедро. Его пальцы требовательно скользнули под одежду.

— Миньёй, я выжат как лимон, — устало выдохнул Цзюньчи, пытаясь перехватить его руку. — Пощади...

— Даже не думай, — отрезал тот. Тоска по любимому телу за дни разлуки и без того сводила его с ума, а уж после пережитой вспышки ревности Миньёй твёрдо вознамерился взять своё. И взять немедленно.

Цзюньчи обречённо вздохнул, пальцами оттянул нижнее веко, демонстрируя сетку лопнувших капилляров, и совершенно серьёзно повторил:

— Босс, я правда смертельно устал. — Пока Миньёй разъезжал по делам, вся рутина легла на его плечи. А тут ещё госпожа Е со своими бесконечными чаепитиями и расспросами. Времени на сон катастрофически не хватало. Сейчас Цзюньчи мечтал лишь об одном — провалиться в глубокий сон без сновидений, а не ублажать разгорячённого самца.

Миньёй всмотрелся в осунувшееся бледное лицо и понял, что тот не притворяется. На мгновение он замер, борясь с собственным вожделением, а затем с крайне недовольным видом проворчал:

— Ладно. Только один раз.

На такой компромисс Цзюньчи был согласен. Он расслабился, послушно разводя колени, и вяло усмехнулся:

— Силы на исходе. Так что обслуживай себя сам, босс.

Подхватив его на руки, Миньёй перенёс любовника на кровать и, нежно осыпая поцелуями лицо и шею, прошептал:

— Лежи спокойно. Я всё сделаю сам.

Как и обещал, после первого захода Миньёй сдержал пыл. Он бережно привёл обмякшего партнёра в порядок, притянул к себе, укутывая одеялом, и тихо скомандовал:

— Засыпай.

Цзюньчи благодарно обнял его за талию, уткнулся носом в тёплую грудь и мгновенно провалился в сон.

Гу Цзицин проснулся на рассвете от свирепого урчания в желудке. Накануне вечером он планировал поужинать привычной лапшой быстрого приготовления, но та, как назло, закончилась в самый неподходящий момент. Готовить он не умел от слова «совсем», студенческая столовая уже закрылась, а тащиться в круглосуточный магазин было лень. Пришлось выпить два стакана тёплой воды и лечь спать на голодный желудок.

К утру голод заявил о себе с новой силой. Масла в огонь подливал умопомрачительный аромат, струившийся из-за стены. От этих дразнящих запахов слюнки текли ручьём.

Решив всё же выбраться за завтраком, Цзицин распахнул дверь и замер. Прямо на пороге стоял блестящий термос для еды. Эту вещь он отлично помнил — вчера Цяо Инь притащил её из супермаркета среди прочих покупок. О том, что скрывалось внутри, догадаться было несложно. Едва Цзицин увязал аппетитный аромат из коридора с этим термосом, его желудок выдал такую руладу, что спорить с организмом стало бессмысленно.

Парень замялся на пороге. Он прекрасно понимал: это очередная попытка Цяо Иня навести мосты. Принимать его «заботу» не хотелось из принципа, но соблазн был слишком велик, а манящий запах горячей домашней еды лишал последних зачатков воли.

После недолгой, но мучительной внутренней борьбы голод взял верх над гордостью. Воровато оглядевшись по сторонам и убедившись, что в коридоре никого нет, Цзицин торопливо сцапал термос и скрылся в квартире, словно совершил кражу века. Стоило открутить крышку, как по комнате поплыл густой аромат рисовой каши с зеленью и мясом. Налив полную миску ароматного варева, он зачерпнул первую ложку.

Нежный, тающий во рту столетний желток, сочные волокна свинины и обволакивающее тепло горячей каши мгновенно согрели пустой желудок. Какое блаженство! На дне термоса обнаружили ещё тёплые паровые булочки-баоцзы и пикантные маринованные овощи. Всё вместе это казалось пищей богов. Приговорив завтрак до последней крошки, Цзицин блаженно откинулся на спинку стула, поглаживая набитый живот. Всё-таки простая домашняя еда — лучшее, что придумало человечество.

Едва он закончил трапезу, в дверь постучали. Цзицин пошёл открывать, но, увидев на пороге ухмыляющегося Цяо Иня, попытался немедленно захлопнуть створку. Не тут-то было — полицейский ловко проскользнул в щель. Цзицин насупился, скрестив руки на груди:

— Чего тебе?

— Пришёл за посудой, — совершенно невозмутимо ответил Цяо Инь, кивнув на пустой термос на столе.

Цзицин вспыхнул. Схватив со стола злополучный термос, он грубо всучил его в руки незваному гостю и принялся выталкивать того взащей:

— Забирай своё барахло и проваливай! Пошёл вон!

Цяо Инь безропотно пятился к выходу, но перед тем как переступить порог, весело подмигнул:

— На обед приготовлю чёрную курицу с дикими грибами, идёт?

— Угу, — на автомате ляпнул Цзицин. Осознав, что только что согласился, он в ярости сжал кулаки, готовый провалиться сквозь землю от собственной глупости.

Улыбка Цяо Иня стала ещё шире:

— Бульон сделаю на кулинарном вине, специй поменьше, добавлю древесных грибов, ягод годжи и красных бобов. Согласен?

— Откуда мне знать! Делай что хочешь! — вконец разозлился парень.

Вместо ответа Цяо Инь тихонько рассмеялся, внезапно подался вперёд, звонко чмокнул его в щёку и, пока Цзицин не опомнился, резво зашагал к своей двери.

Всё произошло настолько молниеносно, что Цзицин даже не успел среагировать. А когда до него дошёл смысл этой наглой выходки, наглец уже скрылся из виду.

Кулаки чесались немилосердно, но Цяо Инь уже победно скрылся за своей дверью, оставив соседа наедине с бушующей бурей эмоций.

Цзицин коснулся ладонью горячей щеки. Внутри всё клокотало от негодования, но, как назло, он сам не мог понять — злился ли он на наглого копа или на собственную уступчивость.

«Вот же сволочь...» — только и смог пробормотать он в пустоту коридора.

<http://bllate.org/book/20530/2131732>